

ЯИЦКОЕ КАЗАЧЕСТВО *

Положеніе приволжскаго края, занятаго до покоренія Казани финско-тюркскими племенами, быстро измѣнилось послѣ этого событія. Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, все нижнее теченіе Волги до Самары, приняло русскій видъ и заселилось торговцами, воляками и крѣпостными, людьми, которые внесли въ среду туземнаго населенія всѣ условія великорусскаго быта. На Волгу шли ослотаю, потому что тутъ жилось хорошо: земля, лѣсу, степи, лугови, воды было много, приобрѣтеніе ихъ доставалось легко и вознаграждалось съ избыткомъ; сбытъ всякихъ произведеній совершался удобно. По Волгѣ шли къ Макарьеву и къ Астрахани караванами купеческіе струги и бусы, нагруженные товарами и издѣліями русскими и азіатскими, и этотъ торговый путь обогащалъ притѣчныя жители. Отъ Самары внизъ по Волгѣ начинались поселенія самарскихъ, волжскихъ и др. казаковъ, преимущественно выходцевъ съ Дона, съ пригнѣсью бродягъ и воляковъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ. Казаки

* Премагнѣтый лѣтъ стрыжокъ составляетъ начало исторіи Уральскихъ казаковъ. Съ 1823 года, этотъ предметъ былъ забытъ, и о немъ мало писали. Пушкинъ историчалъ только то, что написалъ у Рычкова и Лашина, но со времени изданія *Исторіи казаческаго бунта*, открыто много новыхъ документовъ, бросающихъ свѣтъ на прошлое Уральцевъ. Я собралъ всѣ доселѣ извѣстные матеріалы и старался составить изъ нихъ нечто общее, цѣльное. Прим. автора.

сохраняли въ основѣ своихъ учрежденій чисто-демократическій характеръ, не допускавшій никакихъ законовъ, кромѣ народнои воли, никакихъ другихъ формъ жизни, кромѣ разгула „и промысловъ“, то-есть разбоя. Возводы, управлявшіе приволжскими городами не имѣли вліянія на внутреннюю ихъ жизнь или управленіе, а царскіе гарнизоны, состоявшіе изъ стрѣльцовъ, сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ двухъ крайнихъ пунктахъ: Казани и вновь-покоренной Астрахани, гдѣ находились стрѣльцкіе приказы; да сверхъ того, стрѣльцы и сами были народъ ненадежный. Такимъ образомъ своеволие казачьяго населенія не легко было остановить, и казаки оставались въ то время самою сильною и вліятельною частью населенія. Ближайшими соседями казаковъ были Татары, кочевавшіе между низовьями Волги и Яика. То были остатки грозной Золотой Орды, теперь дробившіеся на множество улусовъ, нерѣдко враждебныхъ другъ другу, но нисколько не опасныхъ для приволжскаго края. Изъ нихъ сильнѣе и богаче другихъ считались Ногайцы, занявшіе нижнее теченіе Яика и владѣвшіе степяцею прежнееи хановъ, Сарайчиковъ. Они находились въ 60 верстахъ выше впаденія Яика въ море и славилась своею обширною торговлею, которая далеко оставалась за собою астраханскую. Черезъ него пролегалъ торговый путь въ Среднюю Азію и къ китайскимъ предѣламъ, и караваны, отправляемые Венеціанцами и Генуэзцами изъ Азова въ Пекинъ, Ургендъ и Остраръ, шли на Сарайчикъ *.

Около 1559 года напавъ бродячаго населенія въ приволжскій край усмирился. Кровавое царствованіе Іоанна Грознаго таготною надъ Русью и многихъ заставляло искать спасенія въ бѣгствѣ. Болше бѣжали въ Литву и Польшу, простой народъ—къ юго-восточнымъ окраинамъ царства, на Донъ и Волгу. Толпы бѣглецовъ частью примыкали къ образовавшимся уже тамъ казачьимъ общинамъ, частью же собирались въ шайки и шли разбойничать по Волгѣ. Эти „воровскіе казаки“, какъ называютъ ихъ старейшые списки того времени, въ продолженіи 20 лѣтъ были грозюю края, и, наконецъ, до того усмирились, что съ Волги перешли и на Каспійское море, грабили и убивали купцовъ русскихъ и иноземныхъ, пресѣкли дипломатическія сношенія и торговлю съ Азіатцами

* *Левшинъ Историческое и статистическое описаніе Уральскаго казачьего.* С.-Петербургъ 1823.

Русскихъ, а также и Англичанъ, начавшихъ незадолго предъ тѣмъ сбывать этимъ путемъ свои произведенія въ Азію *. Наконецъ, въ 1577 году, Грозный выслалъ противъ нихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ стольника Ивана Мурашкина, который настигъ воровскихъ казаковъ на Воагѣ и атаковалъ ихъ съ двухъ сторонъ: съ рѣки и съ сушиго пути. Разбитая патага бросилась въ разные стороны: одна къ Камѣ и Чусовой, другія къ Тереку, третья къ Яику; небольшая часть осталась на Воагѣ, гдѣ продолжалась разбоя, несмотря на жестокия муки и казни, которыми предавали попадавшихъ въ руки правительства **. Это-то шайки покинувшія Воагу, вскорѣ послѣ того, покоряютъ Сибирь и раздвигаютъ предѣлы Русскаго царства до Терека и Яика, и на долю воровскихъ казаковъ выпала честь быть первыми колонизаторами этихъ странъ.

Впрочемъ, утвержденіе казаковъ на Яикѣ произошло не тотчасъ послѣ описаннаго происшествія, а относится къ 1580 г., какъ видно изъ историческихъ документовъ, и начинается раззореніемъ Сарайчика. Спасаясь отъ поисковъ ратныхъ царскихъ людей, казаки достигли устья Яика и долго укрывались въ густыхъ камышахъ этой рѣки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что близость такой приманивой добычи, какъ Сарайчикъ, соблазнила ихъ, но нападеніе на сильный и многолюдный городъ посѣдовало только тогда, когда ихъ толпа увеличилась новыми пришлецами. Этимъ объясняется промежутокъ между 1577 годомъ, когда они принуждены были бѣжать съ Воаги, и 1580, когда по словамъ ногайскаго хана Уруса, приносившаго жалобу Иоанну: „приходивъ государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли“ ***.

Предвѣріе казаковъ противъ Сарайчика удалось. Разграбивъ и опустошивъ его ****, они пошли вверхъ по Яику и достигнувъ устья рѣки Рубежной, рѣшились поселиться на

* Лешинъ: *Ист. и Стат. Обзоръ, Ур. Каз.*

** Тамъ же.

*** Караванъ: *Истор. Государ. Россіи*. т. IX, прим. 643.

**** Лешинъ: „Они подымавъ на лодкахъ своихъ вверхъ по Ураму, быстро напали на Сарайчикъ, зажгли оный и въ несколько дней не только дымомъ и огнемъ терзали, но даже, разрывая могилы, захоронили мертвыхъ.“
(*Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.*)

этихъ раздольныхъ мѣстахъ. Богатые луга и пастбища, обиліе рыбы въ уральскихъ водахъ и близость привоажскихъ городовъ представляли дѣйствительно много удобствъ для поселенцевъ. Первое поселеніе было на урочищѣ Орѣшномъ, въ 40 или 50 верстахъ выше теперешняго города этого имени и называлось Яндкимъ Городкомъ. Его признаки около Вертяго Карсанова Яра, по словамъ Левшина, существовали до 1720 года *. Впрочемъ Палласъ, бывшій здѣсь въ 1769 году, видѣлъ еще признаки оковозъ и остатки землянокъ на мѣстѣ, гдѣ, какъ говорили ему Яндкіе казаки, былъ ихъ прежній городокъ.

Первыя зависимыя отношенія казаковъ къ московскому правительству начались, кажется, около этого же времени. Чтобы охранить за собой затѣченныя земли, казаки должны были опираться на сильнаго покровителя, безъ чего положеніе ихъ среди татарскаго населенія, могло быть опаснымъ. Казаки были государю челоюъ новою землею, которую завоевали, и царь принималъ ихъ подъ свою руку, точно также, какъ принималъ завоеваніе Ермака. И хотя казаки не слѣшкомъ уважали приказанія правительства, не упуская случая грабить даже его посылы, оно по необходимости должно было мириться съ, отчасти потому что еще не было достаточно сильно, чтобы заставить повиноваться себѣ на окраинахъ государства, отчасти потому что видѣло въ казакахъ защитниковъ, и въ особенности, распространителей границъ царства, о чемъ собиратели и строители Земли Русской сильно въ то время заботились. Однимъ словомъ взаимныя выгоды вызывали на полюбленную сдѣлку. Казаки пріобрѣтали себѣ въ московскомъ царѣ сильнаго покровителя, оставались обладателями отплатыхъ у Татаръ земель, и за это должны были служить противъ царскихъ враговъ и охранять предѣлы государства. Первая извѣстная намъ служба Яндкихъ казаковъ была

* Левшинъ: *Ист. и Стат. Обзор. Ур. Каз.* — Рычковъ (*Топ. Ор. Сиб.* 1763), говоритъ, что первоначальное поселеніе было при урочищѣ Коловоротномъ, въ 60 верст. выше Уральска; на Орѣшномъ же перешла она въ послѣдствіи. Пумкинъ (*Исторія Пумаческаго Бунта.* С.-Петербургъ, 1834), указываетъ также первое поселеніе на Коловоротномъ. Я призналъ за основаніе справедливости Левшина, потому что оно подтверждается и Палласомъ. (*См. Путешествіе Палласа по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства*, ч. I, стр. 408. С.-Петербургъ, изд. второе, 1809.)

протязъ „непослушника царскаго Шенкальскаго“ (то-есть Шамхала) и относится къ 1591 году *.

Таково было истинное начало казачества на Яикѣ, несогласное съ свидѣтельствомъ татарскаго историка Абулз-Гази, который выводилъ происхождение Яицкихъ казаковъ отъ кипчакскихъ Татаръ, приписывалъ имъ особый языкъ, определялъ положеніе ихъ городка въ 40 верстахъ отъ моря и пр. **, Въсѣдъ за нимъ то же повторили и европейскіе историки Дегинъ и Пуффендорфъ ***. Рычковъ, писавшій о началѣ и происхожденіи Яицкихъ казаковъ, помѣстивъ, въ своей разказъ **** всѣ слышанныя имъ преданія; Левшинъ, а за нимъ и Пушкинъ †, вполнѣ доказали ихъ неосновательность.

Число первыхъ яицкихъ поселенцевъ неизвѣстно, и, кажется, было очень не велико †*. Но скоро новые переселенцы:

* Царскій указъ астраханскимъ воеводамъ князю Суфому и Пушкину. Въ немъ воеводамъ предписывается послать войско протязъ „непослушника царскаго Шенкальскаго и въ томъ войскѣ быть Яицкимъ и Волыскимъ атаманомъ и казакомъ“. Яицкихъ казаковъ велѣно взять для этой цѣли 500 человекъ. Въ актѣ опредѣляется также идущее имъ отъ казны жалованье: „и на кормъ ихъ даяти, въ Астраханѣ по семнадцати рубль человеку, въ десятинѣ человекѣмъ четверти бунды и мелочью или по ковку пригоде, смотря по житью, сколько они у Астраханѣ станутъ жить, а воеводамъ сверхъ того дати по четверти осыа человекѣмъ. А будетъ она, для нужды, участъ арсента денегъ, и имъ дати по полвинѣ человекѣмъ на нужду, а о доставленіи о даяннѣмъ жалованьи и о табачномъ запасѣ, для шенкальскіе службы, государевъ указъ будетъ впередъ.“ *Дѣлаи Непорочскіи*, т. I, № 230).

** Левшинъ: *Родосл. вѣст. о Татарата*. Ч. II, гл. II, IX, гл. IX.

*** Тамъ же.—*Histoire des Huns et des Tat. Mer. XIX, chap. II.*

**** Рычковъ: *Топ. Оренб.* стр. 60—70.

† Пушкинъ: *Исторія Пугачевскаго Бунта* т. I, стр. 1—2. Прямѣч. (1) къ *Исторіи Пугачевскаго Бунта*, стр. 3—7.

†* Въ челобитной, поданной 10-го іюля 1767 г., на высочайшее имя депутатами Яицкаго войска: Василіемъ Тамбоковскимъ, Иваномъ Аккудиновскимъ, старшинами Яковомъ Колпаковымъ и Иваномъ Аккутинскимъ (копія съ этой челобитной хранится въ дѣлахъ войскаго архива, въ книгѣ подл. № 36, на 147 листу) сказано: „что въ прошлые и даянныя годѣхъ прашны и дѣлаи ихъ пришли и засемались по Яикѣ рѣкѣ, вольные люди собравшися, Русскіе съ Дому и изъ иныхъ городовъ, а Татары изъ Крыму и Кубани и изъ другихъ нагометанскихъ народовъ, человекѣмъ съ сорока, которому ихъ засеманію или паче же на Яикѣ рѣкѣ преходу, имѣтъ будетъ горько боить другъ съ другъ.“

казаки съ Дону, Татары съ Кубани, бродяги и вольные люди изъ приволжскихъ городовъ увеличили собою число казачествъ и оставили ядро Яицкаго войска. Изъ массы сюда вольная-волюшка, да легкая пожива, да широкій разгулъ на всѣ на четыре стороны. Здѣсь не было ни старостъ губныхъ, ни воеводъ, ни бояръ. Здѣсь всякій былъ самъ себѣ господиномъ. Кромѣ бродягъ и вольныхъ людей бѣжали изъ казачества и крѣпостные. Узаконеніе 1597 году, о прекращеніи переходовъ крестьянскихъ и послѣдующіе указы о томъ же въ 1601, 1602 и 1606 годахъ *, побуждали народъ искать воли въ казачьихъ общинахъ. Воля, общее равенство, народные выборы представляють подобно всякой казачьей общинѣ, характеристическія черты устройства новаго поселенія. Войсковой атаманъ былъ только исполнителемъ народной воли, а есаулы—его помощниками. Казачья дума, куда народъ призывался колокольнымъ звономъ и гдѣ рѣшались всѣ общественныя дѣла, собирались обыкновенно на площади или у атаманскаго дома (въ посадствѣи у войсковой избы и у приказа) и отличались простотою формы. Дѣла объяснялось собравшимся казакамъ, предлагалось на ихъ рѣшеніе вопросы: *любо или не любо?* и согласно съ приговоромъ, приводилось въ исполненіе или отжылалось **. Судъ и расправа творились народомъ, и приговоры произносились всѣмъ войскомъ, хотя по самому смыслу казачества, не любившаго стѣснять разгула своихъ страстей, преступленіями считались только тѣ поступки, которые наносили вредъ или самой общинѣ или кому-нибудь изъ ея членовъ. Такъ за измену, трусость, воровство, убійство, полагалась смерть. Но то что совершалось внѣ общины, надъ лицами посторонними, не считалось преступленіемъ и не влекло за собою наказанія ***. Владѣніе всеми войсковыми угодьями и богатствами было общимъ, не исключавшемъ, впрочемъ, частной собственности. Каждый могъ заводять свое хозяйство гдѣ ему было угодно и въ такомъ размѣрѣ въ какомъ ему угодно. Впрочемъ,

* *Акты Археологической Экспедиціи*, т. II, № 20, 23 и 40.

** *Извѣстия: Ист. и ст. об. Урал. кая.*

*** *Пушкинъ: Ист. Рус. бр-ва*, гл. I, прим. 6. Ссылаясь на неизвѣстнаго автора статьи: *О внутреннихъ составныхъ Донскихъ казачествъ въ концѣ XVI столѣтія*, Пушкинъ говоритъ, что за всѣ эти преступленія наказывали смертью: зашивали преступника въ кулъ и бросали въ воду.

хозяйственная часть была не разнообразна: рыболовство было главнымъ, почти единственнымъ промысломъ, который занималъ казаковъ и доставлялъ имъ большія выгоды. Что касается до другихъ промысловъ, то ихъ почти не было: скотоводство было самое ничтожное, а хлѣбопашества и вовсе не было. Хлѣбъ, вино, провизію казаки покупали преимущественно въ Самарѣ и другихъ волжскихъ городахъ, или же ѣздили на рыбу у приважавшихъ съ Волги въ Яицкій Городокъ торговыхъ людей. Слѣпецъ, порохъ и орудія казаки начали получать отъ казны, вѣроятно, гораздо ранѣе чѣмъ мы встречаемъ на это указанія въ историческихъ документахъ, такъ какъ все это составляло монополію казны и не могло быть приобретено изъ частныхъ рукъ, а между тѣмъ казаки должны были исполнять царскія службы.

Женитьба позволялась въ яицкой общинѣ, съ самаго начала ея существованія. Рыцковъ *, основываясь на разказѣ войсковаго атамана Григорія Меркульева объ атаманѣ Гугаѣ, говорить, что первые поселенцы яицкіе отвергли семейную жизнь, но разказъ этотъ, какъ замѣчаетъ и Левшинъ, мало заслуживаетъ вѣры. Какъ выходцы съ Дона и Волги (гдѣ семейная жизнь была вообще усвоена казачествомъ), Яицкіе казаки тѣмъ болѣе должны были склоняться на ея сторону, что близость русскаго и татарскаго населенія давала возможность легко обзаводиться женами. Въ семейномъ быту обычай Яицкихъ казаковъ мало расходился съ обычаями господствовавшими тогда не только въ казачествѣ, но и въ дѣлѣ Руси. Та же замкнутая затворническая жизнь, то же отвращеніе ко всякому труду физическому и умственному— для женщины; разгулъ, пьянство, забавы — для мужчины. Въ домѣ и общинахъ дѣятельность казака проявлялась въ грабежахъ, разбояхъ, набѣгахъ и всякаго рода насильяхъ, въ томъ, однимъ словомъ, что выражалось тогда общепринятымъ терминомъ промыслъ. Такая жизнь развивала въ казакахъ то необузданное демократическое начало и тотъ воинственный авантюризмъ, которые въ послѣдствіи служили немалую преградой для осуществленія видовъ правительства и при каждомъ неосторожномъ шагѣ его,

* Рыцковъ: *Топогр. Опис. Ч. II*, стр. 68—69.—Пушкинъ: *Ист. Публ. бум.* т. I, гл. 1, стр. 3.

разражалась бунтами и возмущеніями. Народыя преданія часто упоминають о подвигахъ казачества, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ такого интереса, какъ характеристическій разказъ о походахъ людскихъ атамановъ Нечая и Шама, приведенный у Рычкова *, и отнесенный имъ, неизвестно, впрочемъ, на какомъ основаніи, къ 1655 году. Разказъ этотъ весьма удачно выражаетъ жизнь и духъ тогдашняго казачества.

Довольно было просмышать казакамъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть богатая пожива, чтобы тотчасъ же рѣшиться на набѣгъ. Собирались изъ войска охочіе люди, выбирали атамана и отправлялись на промыселъ, какъ бы далеко и опасно ни было подобное путешествіе. Шайка Нечая въ 500 человекъ рѣшилась идти на Хиву, о которой ходили самыя заманчивыя слухи. И золота, говорила, и камней драгоцѣнныхъ, и красавицъ тамъ много. Двинувшись вверхъ по Яику **, Нечай перешелъ рѣку у Дьяковыхъ горъ и степью достигъ до Хивы. Владѣтеля хивинскаго не было. Овъ гдѣ-то воевалъ и въ городѣ оставались только старыя и малыя, да женщины. Казаки заняли безъ сопротивленія городъ, раздѣлили между собой добычу и начали пировать, забыть про всѣ опасности. Наконецъ просмышала они, что хивинскій ханъ возвращается и тогда только рѣшились тронуться въ обратный

* Рычковъ: *Топ. Ор.* ч. II, стр. 73—78. Въ исключеніяхъ Рычкова, о походахъ этихъ людей не упоминается. Не придавая особой важности точному опредѣленію года этихъ происшествій, а имея ихъ сюда, какъ частные случаи, вытекающіе бытъ и духъ людскихъ казаковъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что походы Нечая поражаютъ сходствомъ, отъ начала и до конца, во всѣхъ подробностяхъ, съ подобными же походами людскихъ казаковъ въ Хиву, около 1600 года, о которыхъ повѣствуетъ исторія Абуль-Гази Бегларъ-Хана. Не есть ли преданіе о Нечай, нарѣзанъ того же самаго разказа?

** Близъ Уральска, верстахъ въ 40 или 50, находится на лѣвой сторонѣ Урала утесистый мѣловой берегъ, называемый Дьяковыя горы. Преданіе говоритъ, что Нечай, отправляясь въ походы, дошелъ до этихъ горъ и велѣлъ здѣсь составить кругъ для совѣщанія о лучшемъ пути и образѣ дѣйствій предполагаемой экспедиціи. Всѣ были согласны и рѣшились идти съ Нечаемъ, только одинъ дьякъ его (завѣдывавшій хозяйственною и письменною частію) противился намѣренію, представляя всѣ опасности казанскаго степнаго пути, недостатокъ провіанта и малочисленность отряда. Раздраженный Нечай велѣлъ тутъ же погубить несчастнаго совѣтника, а съ тѣхъ поръ горы эти прозываются Дьяковыя.

путь, но обремененные добычей должны были двигаться весьма медленно. Это дало возможность Хивинцам настигнуть их на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью и здѣсь закинуть бой. Несмотря на отчаянное мужество казаковъ, сильныя числомъ Хивинцы побѣдили. Только три или четыре человека успѣли пробиться и ускорить на Яукъ, гдѣ и повѣстали о гибели Нечая съ товарищами.

Походъ Шамая еще обильнѣе приключеніями. Онъ набралъ шайку изъ 300 человекъ и рѣшился, по слухамъ Нечая, идти на Хиву и дѣйствовать, хотя медленно, но осторожно. Дошедъ до Илека и, перезимовать на этой рѣкѣ, онъ тронулся далѣе только весной, и такимъ образомъ, хотя съ затрудненіями, но достигъ Сыръ-Дарьи. Далѣе путь былъ незнакомый, а проводниковъ не было. Казаки рѣшились употребить для того Камыковъ, кочевавшихъ въ тѣ времена по Сыру и захватили нѣсколькихъ. Чтобы возвратитъ плѣнниковъ, Камыки употребили хитрость: поставили въ скрѣпѣхъ мѣстѣ засаду, а двумъ человекамъ приказали идти въ ту сторону, гдѣ были казаки, показывая видъ, что они гулѣбцики (т.-е. охотники) и вышая на зѣбрыный промыселъ. Казаки ихъ замѣтили и нѣсколько человекъ съ атаманомъ бросились въ погоню за ними, но гулѣбцики спаслись, навели ихъ на засаду, гдѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ, они съ Шамаемъ были взяты въ плѣн *. Оставшіеся пошелъ далѣе, по мѣсто переправы на Сыръ-Дарьѣ, попали къ Аральскому морю. Здѣсь нужно было остаться, такъ какъ наступала уже зима и провіантъ весь вышелъ. Началась мука холода и голода: съ отчаянія они убивали другъ друга и питались мертвыми тѣлами. Наконецъ, не видя другаго исхода, они рѣшились послать къ Хивинцамъ, чтобы тѣ пріѣхали и забрали ихъ къ себѣ въ неволю. Хивинцы исполнили ихъ просьбу, и съ тѣхъ поръ не было о нихъ никакого извѣстія. Шамай же, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ возвращенъ Камыками въ Яцкій Городокъ.

Походъ на хивинскій городъ Ургендѣжъ, описанный Абуль-Гази-Бегадыръ-Ханомъ и отнесенный имъ къ 1602 году (до этого года объ Яцкихъ казакахъ нѣтъ извѣстій у восточныхъ исто-

* На предложеніе Камыковъ развѣдаться плѣнными, товарищи Шамая отвѣтили: атаманомъ у насъ много, а боя людей (проводниковъ) пробывъ мало имѣемъ, и отразились далѣе въ путь.

риковъ), по обстоятельствамъ своимъ шибеть, какъ мы уже замѣтили, большое сходство съ походомъ Нечая, такъ что, повидимому, преданіе о Нечай—вариантъ одного и того же разказа. Казаки напали на Ургенджъ въ числѣ 1.000 человекъ. Нападеніе было внезапно и въ такое время, когда отпоръ былъ невозможенъ, такъ какъ большая часть жителей вышла изъ города кочевать по берегамъ Аму-Дарья. Казаки овладѣли Ургенджемъ безпрепятственно, истребили оставшихся жителей, разграбили ихъ имущество, захватили до 1000 женщинъ, и разоривъ городъ до тла, пошла назадъ. Вѣсть о томъ скоро достигла до Хивинцевъ, и она подъ предводительствомъ хоразмскаго хана Арапъ-Магомета (отца историка Абуль-Гази) успѣли воспользоваться ближайшими дорогами и стать на перерывъ пути отступленія. Такъ какъ дѣло происходило въ узкой лощинѣ, то лучше было или отступать, или пробиваться силою. Казаки рѣшили бросить пѣхоту, добычу и весь обозъ, и идти впередъ. Это удалось, хотя съ большими потерями; но когда Арапъ-Магометъ, обойдя ихъ окольными дорогами, снова преградилъ имъ путь, сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ. Измученные боемъ и трудными степными переходами, казаки скоро пали въ этой неравной борьбѣ и были истреблены почти всѣ до послѣдняго*.

Въ тяжелую для русскаго государства пору самозванцевъ и междоусобицъ, Яцкіе казаки не могли оставаться равнодушными зрителями безконечной перспективы грабежей и легкой поживы. Митрополитъ ростовскій (въ послѣдствіи патриархъ) Филаретъ, уведомляя въ 1607 г. соловецкаго духовенства о побѣдѣ подъ Баширою, перечисляетъ силу матаежниковъ и говорить, что въ рядяхъ ихъ были казаки Терскіе, Яцкіе, Волгскіе и др. ** Въ 1611 году, Вятчане, извѣщая Пермь о присягѣ своей тушинскому Дмитрію, приглашаютъ ихъ сдѣлать то же, почему и посылаютъ образецъ крестоцѣловальной записи, въ которой присягающіе, между прочимъ, обязываются не пускать къ себѣ казаковъ, въ томъ числѣ и Яцкихъ, плаче какъ по торговымъ дѣламъ, и не слушать „указовъ“ ихъ*.

* Лавшинъ: Ст. и исп. объ Уралъ казакъ.

** Ак. Арх. Экспедиц., т. II, № 74.

*** „А казаконъ ламъ Волгскихъ, и Донскихъ, и Терскихъ, и Яцкихъ, и вятчанскихъ стрѣльцовъ, въ городѣ многихъ людей не пущати, и ихъ указовъ не слушати же, а пущати казаконъ въ городѣ для торговли,

Трудно себя представить ту безурядицу, какая господствовала на Руси при воцарении Михаила Федоровича. Не говоря о врагах внешних, объ иноземных дружинах польских и шведских, множество воровских казачьих шаек грабили въ городках и селахъ, грабили на большихъ дорогахъ, напоямали всё окрестные дѣса отъ Москвы до Волги и даже до новгородскихъ и вологодскихъ предѣловъ, и были, по выраженію современниковъ, „лучше и грубѣе Латы и Нѣмца“. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ царскихъ грамотахъ того времени: „Велѣно... послати къ атаманомъ и къ казакомъ, которые стоить въ уѣздѣхъ и земли нашего государства пустошати, церкви Божіа разорають и образы обдирають и великое поруганіе православной крестьянской вѣрѣ чинять безпрестанно, и православныхъ крестьянъ мучать всякими различными муками, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ, какихъ посягать во всѣхъ земляхъ не бывало мука, и позоры всякими позорять, и собраты ничего не дадутъ, и казны нашей которая нынѣ и впередъ собрана въ городѣхъ и запасовъ никакихъ къ намъ къ Москвѣ не пропускать, и ратныхъ нашихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей ихъ съ запасомъ, на нашу службу, и торговыхъ людей ни съ какими товарами, и проѣзжихъ конныхъ и пѣшихъ никакихъ людей никуда не пропускають, грабятъ и побиваютъ.....“ *

На югѣ Россіи была та же неурядица. На Волгу и къ Астрахани перенесъ свои дѣйствія Заруцкій, разчитывавшій на сочувствіе и помощь казачества. Правительство понимало важность такого содѣйствія, а потому немедленно послало утѣшительныя грамоты на Донъ **, а войско Донское въ свою очередь отписало на Волгу, Яикъ, Терекъ, въ Ногайскую орду и къ жителямъ Астрахани, убѣждало помнить присягу и не только не поддаваться обѣщаніямъ Заруцкаго, но

повышаюгу, десятка по два или по три, а долго имъ въ городѣ не жить“ (Ак. Арх. Ст.п., т. II, № 170).

* Царскія грамоты къ Белозерскому воеводѣ Чухачеву съ наставленіемъ какъ поступать съ разбойничающими казаками. Отписки Валуева изъ Воеводы на Белозеро о пораженіи разбойничающихъ казаковъ и о побѣдѣ князя Лыкова надъ Захаріемъ Заруцкимъ бѣгомъ Валазкы. Отписки воеводы князя Лыкова съ товарищами къ Белозерскому воеводѣ Чухачеву (Ак. Арх. Ст., т. III, № 44, 50, 53, 57, 59 и 61).

** Ак. Арх. Ст., т. III, № 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27.

содѣйствовать царскимъ воеводамъ въ распоряженіяхъ противъ бунтовщиковъ *. Разумѣется, общинамъ наградъ и правъ заимало здѣсь не послѣднее мѣсто, и какъ кажется, это - то болѣе всего и подѣйствовало. Индкіе казаки остались дома, и только немногіе, частью отъ бѣдности, частью отъ привычки къ грабежу, пристали къ Заруцкому **. Послѣ пораженія его стрѣльцкимъ головою, Хохловымъ, въ устьяхъ Волги ***, разстроенныя ватаги бросились къ Янку, надѣясь собраться тамъ съ силами и вновь начать наступленіе къ Волгѣ. Въ ожиданіи благопріятнаго оборота дѣлъ, Заруцкій съ сообщниками засѣлъ на Медвѣжьемъ островѣ, на рѣкѣ Янкѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Индерской Соляной горы ****. Но надежда и здѣсь обманула его: Индкіе казаки остались спокойными, видя приближеніе посланныхъ въ погоню царскихъ войскъ, а стрѣльцкій голова, Пальчиковъ, съ товарищами, окружилъ укрѣпленное становище Заруцкаго на островѣ. Сообщники его, не видя ни откуда спасенія, рѣшились заслужить вины свои выдачею какъ Заруцкаго, такъ и Маріи Мишке съ сыномъ, воеводамъ царскимъ, † за что, по условію, получили свободный выходъ. Пробирался къ Волгѣ, куда хотѣли перенести свои разбои, казаки были разбиты царскими войсками на Янкѣ и потомъ на Иргизѣ ††. Это былъ послѣдній актъ кроваваго періода самозванцевъ.

Еще въ началѣ бунта Заруцкаго, въ мартѣ 1614 г., посылая увѣщательныя грамоты на Донъ, правительство вызывало въ

* *Ак. Арх. Ст.*, т. III, № 18, 21, 22, 23, 24, 25 и 26.

** „Намъ бы гдѣ шушмы добыть, что намъ и полъ Самару набати“, говорили казаки, присташи къ Заруцкому (*Ак. Нов.*, т. III, № 257). Въ надѣждѣ набѣга въ Персію, присташи къ нему 560 Волжскихъ и 11 Донскихъ казачковъ (Тамъ же, № 257, 265 и 272). Прочіе же, говорятъ документы, остались вѣрны царю, радовались на царскія грамоты, „а зора Заруцкаго, и Марію, и ея сына... проклинали и лали“ (Тамъ же, № 248 и 257).

*** Тамъ же, № 18.

**** Вблизи Индерскаго Солянаго озера, извѣстнаго еще во времена Бориса Годунова, какъ видно изъ книги *Большаго Чертежа*. Самый же островъ долженъ былъ находиться между крѣпостями — Сазарой и Казанковой.

† *Ак. Нов.*, т. III, № 23 и 22.

†† Индкіе казаки было не много. Изъ взятыхъ въ плѣнъ и спрошенныхъ, полъ выткою, въ Астрахань, показаны: „Денко Ивановъ съ товарищами, всего семь человекъ“ (Тамъ же, № 42).

Москву депутатовъ отъ казачьихъ обществъ: „А мыяъ бѣ къ намъ великому государю Воаскіе, и Яцкіе, и Терекіе, и иныяъ рѣкъ атаманы и казаки, прислали изъ товарищей своихъ наши царскіе очи и къ себѣ наше царское милостивое жалованье и повелѣніе видѣти, и мы, великій государь, давъ имъ наши пресвѣтлыя очи видѣти и пожаловавъ изъ нашихъ царскимъ жалованьемъ, къ нимъ отпустимъ и съ ними прикажемъ и отпущемъ къ нимъ подлинно, какъ имъ быти въ нашемъ царскомъ жалованьи и повелѣньи“*. Яцкихъ казакамъ въ это время приключилось плохо. Безпрерывными набѣгами и грабежами, они до такой степени раздражили своихъ соседей, Татаръ, что мирные потомки воинственной Золотой Орды не выдержали и рѣшились отплатить имъ съ лихвой. Въ 1613 году они осадили казаковъ въ ихъ городѣ и, какъ кажется, довели до самаго критическаго положенія. Преданіе говоритъ, что казаки должны были отстрѣливаться изъ деревянныхъ пушекъ костями**. Раззоренный Татарами городокъ не былъ уже возобновленъ, но перенесенъ на другое мѣсто,—гдѣ теперешній Уральскъ***. Въ виду этихъ обстоятельствъ, обладаемые царскимъ ласковымъ словомъ, казаки рѣшились отправить отъ себя посланцевъ въ Москву бить отъ войска челомъ и просить владѣнной грамоты на Яцкъ.

Царь принявъ депутатовъ ласково и, какъ говорятъ всѣ писавшіе объ Яцкомъ Войскѣ, давъ имъ просимую грамоту на „владѣніе рѣкою Яикомъ съ суцыми при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями, отъ верхнихъ той рѣки и до устья“, съ дозволеніемъ „забираться на жительство во всякими людьми“****. Надо было замѣтить, впрочемъ, что писавшіе объ Уральцахъ, говорили такимъ образомъ, основываясь на однихъ голословныхъ показаніяхъ яцкихъ старшинъ и каза-

* *Ак. Арх. Ст.*, т. III, № 21.

** Рычковъ: *Топогр. Ор.*, ч. II, Лешинъ: *Ист. и ст. обзор. Ур. каз.*

*** Лешинъ говоритъ, что это происшествіе случилось около 1613 г., (*Ист. и ст. обзор. Ур. каз.*) Въ *Хронологическомъ сборникѣ достопамятныхъ событій Оренбургскаго края*, составленномъ Н. Жуковскимъ, оно упоминается вкратчѣ послѣ 1622.

**** Рычковъ: *Топ. Ор.*, т. II, стр. 70 и 71; Лешинъ: *Ст. и ист. обзор. Ур. каз.*; Пущкинъ: *Ист. Пут. бум.*, т. I, стр. 3. Донесеніе атамана Федора Рубошманова въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1720 г. Челябинскъ, 1767 г., поданаго депутатами Яцкаго Войска императрицѣ Екатеринѣ.

ковъ, такъ какъ грамота эта, вмѣстѣ съ прочими, сгорѣла во время пожара въ началѣ прошлаго столѣтiя *. Суще- ствованiе ея, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнiю, потому что на то имѣется много указанiй **, да и правительство

* „Не только сія грамота, говоритъ Лавинскій, — безъ которой нельзя точно опредѣлить начало подданства Уральскихъ казаковъ Россiи, но и имѣли другіе дѣльныя акты царями: Михаиломъ Федоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Федоромъ Алексѣевичемъ сгорѣли. Древнѣйшій и един- ственный актъ, найденный Неплюхинымъ въ архивѣ войсковой канцелярiи, была грамота царей—Петра и Иоанна Алексѣевичей, 1674 г., гдѣ упоминается о прежнихъ судьбахъ со времени Михаила.“ (Ист. и ст. общир. Ур. Каз.)

** Приводимъ здѣсь всѣ доказательства, которыми, въ настоящее время, Уральцы стараются подтвердить существованiе грамоты и правъ ея дѣльныхъ:

Послѣ утраты грамоты казаки просили въ 1721 г., о возобновленiи ея, и просьба эта, по необыкновенію въ ней, изъ каковаго приказа грамота была выдана (чего она вѣроятно по безграмотству не знала), хотя и оставлена безъ движенiя, но, по жалобѣ казаковъ, основанной на этой самой грамотѣ, на Самарцѣнъ, Башкиръ и другіяхъ имородцевъ, пріѣхавшихъ на уральскія земли ловить рыбу, правит. сенатъ отъ 28-го октября 1733 г. далъ указы земной, иностранной и камеръ-коллегіямъ, Казан- ской и Астраханской губерніямъ, не допускать Башкиръ и иностранъ городовъ итаевъ, ловить рыбу по Яику рѣкѣ въ озерахъ, аркахъ (ар- кахъ) и протокахъ, гдѣ Нудкiе казаки рыбными ловли имѣютъ. Это право исключительнаго владѣнiя также подтверждено: а) проищоріей земной коллегіи 6-го марта 1734 г., и указами той же коллегіи въ Казанскую и Астраханскую губерніи, уфимскую провинціальную канцелярiю полков- нику Неклемешеву и въ войсковую канцелярiю; б) манифестомъ о иже- ванiи; в) показаніемъ войскового атамана Григорiя Меркулова, послужившимъ основаніемъ проищоріи 6-го марта 1734 года.

Далѣе, Уральцы ссылаются на: а) Проищорію саратовской рыбной конторы 19-го сентября 1748 г., о запрещенiи отлавливать на откупъ рыбными ловли въ Увельяхъ, какъ показывалими войску великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

б) Указъ правительствующаго сената отъ 6-го июля 1751 г. о позволенiи оному съ озера, лежащихъ въ казанскихъ полахъ.

в) Разрѣшеніе саратовскаго земнаго губернатора, тайнаго совет- ника Неплюхина, объ учрежденiи передовыхъ постовъ для охраненiя озе- нѣй, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ и прочихъ угодiй на лѣвомъ берегу Урала.

г) Высочайшій указъ 26-го декабря 1803 г. объ управленiи Ураль- скаго Войска, въ 9 пунктѣ котораго изображено: „Войску, пребывающему въ своихъ селенiяхъ, дозволяется пользоваться отъ тѣхъ преимуществъ и вы- годъ, которыми оно донынѣ пользовалось.“

никогда не отвергало прямо этого факта. Впрочемъ ни сами казаки, ни правительство не придавали ему особаго значенія, и владѣніе Уральцами всѣмъ теченіемъ Урала, отъ вершинъ и до устья, никогда не существовало de facto. Когда жалована была на Яицъ грамота, по верховнымъ этой рѣкѣ уже жили Башкиры *, а въ послѣдствіи и по среднему теченію начали селиться русскіе люди. Мѣста по теченію Урала вверхъ отъ Разсыпной крѣпости заселялась по мѣрѣ надобности, лицами, не принадлежавшими къ Яицкому Войску

е) Высочайшее повелѣніе на имя бывшего оренбургскаго военного губернатора генерал-поручика Алутина, 29-го июля 1783 г., о выпускѣ къ Уралу казаками Киргуизъ ближе 15-ти верстъ, что подтверждено княземъ Волконскимъ 31-го октября 1809 и генераломъ отъ инфантеріи графомъ Эссеномъ 30-го октября 1817 года.

г) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 7-го мая 1826 г., по дѣлу о землѣ Каспійскаго моря, Богатомъ Кулукѣ, гдѣ между прочимъ опредѣлено: „Уральское Войско, хотя и не представляло привилегій на владѣніе водами богато-кулукскими, извѣстна, что привилегія вообще на земли и воды имъ въ древніи времена даны, употреблены во время бывшего въ томъ краѣ неурядства и покаронъ, но достаточно и не опровергаемо существованіе тѣхъ привилегій доказано другими документами. На снѣгъ основана государственная собственность: Богатый Кулукъ между Байкавскою косяю и Пороховымъ бугромъ восточнѣй, а княземъ Юсуповымъ, безъ участія со стороны Войска, занесенный въ его дачи, какъ доказанную древнюю принадлежность Уральскихъ казаковъ, возвратитъ отъ князя Юсупова въ первоначальное имъ владѣніе.“

Основывалась на грамотѣ царя Михаила Федоровича, пожаловавшаго казакамъ рѣку Уралъ со всѣми ея угодьями, Войско производить рыболовство въ Черкышскомъ Морѣ, лежащемъ за рѣкою Ураломъ, въ сорока верстахъ отъ лимна, и соединяющагося съ рѣкою Ураломъ, посредствомъ рѣки Солянки.

* Надобно замѣтить, что на тѣ же самыя земли принадлежали право и Башкиры, на основаніи грамоты, будто бы выданной имъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, вѣскорѣ послѣ покоренія Казани, на все пространство по теченію Урала, Сакмары, Чакшѣ, Узней—вплоть до Сарайчика. Намъ удалось добыть копию съ этой грамоты, подлинность которой довольно сомнительна. Впрочемъ, при переселеніи части Башкиръ во 2-е сдѣленіе 9-го башкирскаго каптона, на казенныя земли Новоузенскаго, Николаевскаго и Волскаго уѣздовъ, въ свидѣтельство, выданное додѣлителями изъ канцеляріи оренбургскаго гражданскаго губернатора, въ февралѣ 1833 г., за № 238, сказано: „что имъ дозволяется перейти на отчуждаемую имъ землю по рѣчкамъ большому и среднему Чыку.“

и безъ протеста со стороны этого Войска. Такъ возникла сначала пограничная оренбургская линия, а въ послѣдствіи и Оренбургское Казачье Войско, изъ различныхъ переселенцевъ, ландмилиціонныхъ полковъ и другихъ командъ. Прибавимъ еще, что вслѣдствіе неясности географическихъ познаній того времени объ Оренбургскомъ краѣ, * правительство, давая казакъ грамоту на владѣніе землями по Яику, могло не знать, что вѣрнее теченіе его принадлежало Башкирамъ и не приписывало этимъ землямъ какого-либо значенія для государства. Въ послѣдствіи же, даже тѣ земли, которыя действительно заняты Уральскимъ Войскомъ, правительство считало принадлежащими имъ не на правѣ владѣнія, но на правѣ пользованія, хотя Уральцы и старались доказать противное на основаніи принадлежавшихъ имъ искони правъ исключительнаго рыболовства по рѣкѣ Уралу и впадающимъ въ нее притокамъ, отъ границъ Войска до Каспійскаго моря, а также исключительнаго пользованія солью съ соляными озерами, лежащими въ войсковыхъ предѣлахъ и принадлежащихъ къ системѣ Урала.

Къ царствованію же Михаила Федоровича относятся и указанія на службу Яицкихъ казаковъ въ войскахъ царскихъ. Такъ, въ царскомъ указѣ 29 марта 1629 г., возводя кнзя Солидзу-Засѣкинъ и Благово, назначеннымъ въ Переяславль-Рязанскій, предписывается принять всѣ мѣры предосторож-

* Въ указѣ 31 декабря 1727 года объ отдѣлѣ соляныхъ промысловъ въ вольное содержаніе, говорится и объ яицкой соли, мѣстоположеніе которой опредѣляется такъ: „между Казанью и Уфой при рѣкѣ Яикѣ, она донной въ Яикѣ.“

Даже въ настоящемъ столѣтіи правительство не знало границъ Оренбургскаго края, что видно изъ приказа воеводѣ коллегии, отъ 20 марта 1803 г., гдѣ, между прочимъ, сказано: „Правительствующій сенатъ, въ разсужденіи границъ Оренбургской губерніи, по сочиненной въ 1787 г. картѣ Россійской Имперіи, видѣть границей сей губерніи, отъ воеводъ киргизскихъ, рѣку Яику,—по кмѣтѣ (1803) сія ли граница губерніи остается и по какою черту степь и Кочевья Киргизъ-Кайсакъ простирются, много съѣздили въ виду кмѣтѣ, и что оренбургскому воеводѣ губернатору предписано, дабы онъ обо всемъ ономъ подробно снѣлъ уѣдомилъ и притомъ, для лучшаго усмотрѣнія, доставилъ бы немедленно карты сей губерніи прежняго разграниченія и кмѣтшаго времени (1803 г.), съ объясненіемъ, какъ возможно, черты извѣстнаго по кмѣтѣ вѣдѣнія въ сей губерніи Уральскихъ казаковъ и Киргизъ-Кайсакъ.“

ности против крымских Татаръ и, между прочимъ, весьма посылаемымъ въ разбѣды дѣтямъ боярскимъ и попавшимся, по несчастію, въ паказъ, на разспросы Татаръ отвѣчать, что московскія рати многочисленны, и что въ рядехъ ихъ много есть храбрыхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ упоминается и о казакахъ Яицкихъ *. Они были также и подъ Смоленскомъ, съ боярамиъ Шенными. Въ договорной грамотѣ Шенна съ Поляками, 24 февраля 1634 года, показано даже число, какъ вышедшихъ изъ осады 344 человекъ „яицкихъ атамановъ и есауловъ, и казаковъ“, такъ и оставшихся въ Смоленскѣ за болѣзнію 36 человекъ **. Документы эти важны въ томъ отношеніи, что они еще разъ ясно опровергаютъ повторное со временъ Рычкова разными писателями и укоренившееся уже мнѣніе, что первая служба Яицкихъ казаковъ была въ 1655 году, между тѣмъ какъ древнѣйшій памятникъ этого рода, какъ мы уже видѣли, относится къ 1591 году.

Съ половины XVII столѣтія, замѣтно стараніе правительства сдерживать своеволие и разбой казачьяго населенія. Она на время утихали, но не прекращались и сильно подрывали каспійскую торговлю. При устьѣ Яика построено было деревянное укрѣпленіе, называемое Усть-Яицкимъ острогомъ ***, съ цѣлю имѣть опорный пунктъ для

* *Ак. Арх. Слѣд.* т. III, № 187.

** Тамъ же № 220, 239 и 246.

*** Жуковскій, въ своемъ *Хронологич. Сборникѣ*, относитъ эту постройку къ 1622 г., Лешель къ половинѣ XVII вѣка, говоря притомъ, что городокъ основанъ доволки выходцами (*Ист. и ст. об. Ур. кав.* стр. 10—11, Спб. 1833). Любопытно указаніе Дебу въ его *Географическомъ и Статистическомъ описаніи Оренбургской губерніи*, Москва 1837, въ которомъ не только обстоятельство, но и самая эпоха переимѣны доволки заблужденъ образомъ. Опредѣляя время постройки Гурьевъ-Городка въ 1629 г., Дебу говоритъ, что городъ былъ построенъ купцомъ Михаиломъ Гурьевымъ, въ 10 верстахъ выше устья Яика, близъ находившагося тогда, около этого мѣста, татарскаго города Сарапчака, владѣнцу котораго она была обязана платить дань. Когда же съ помощью хитрости, которую Гурьевъ употребилъ для того чтобы скрыть свои работы отъ Татаръ (именно, она закрывала ихъ съ татарской стороны парусами), городокъ былъ превращенъ въ оборонительное состояніе, Гурьевъ отказавшя отъ платежа дани. Не считая нужнымъ разсказывать такой географическій и хронологическій промахъ, тѣмъ болѣе что Дебу основывался въ своемъ разсказѣ, на преданіяхъ. Довольно сказать, что во время постройки Гурьевъ-Городка,

наблюденія за спокойствіемъ окрестныхъ мѣстъ и охраненія каспійской промышленности и торговли. Поводомъ къ его постройкѣ было то обстоятельство, что правительство желало воспользоваться богатыми рыбными ловлями въ устьяхъ рѣки, гдѣ была поставлена учуга *, и въ морѣ. Гарнизонъ острожка состоялъ изъ стрѣльцовъ и изъ учужниковъ, которые ловили рыбу для государя; въ случаѣ же недостатка въ людяхъ, вѣроятно было просить помощи изъ Астрахани, а не отъ соседей казаковъ, которые поэтому и не состояли въ гарнизонѣ, наблюдавшемъ за ихъ дѣйствіями **.

Въ 1645 году Михаилъ Федоровичъ указалъ гостю Михаилу Гурьеву строить здѣсь „городъ каменный мѣрою четырехъ-сотъ саженъ, кромѣ башенъ, четверугольный, чтобы всякая стѣна была по сту саженъ, а по угламъ сдѣлать четыре башни, да въ стѣнахъ, межъ прочемъ, четыре же башни, и стѣны бы были межъ башенъ поровну, по пятидесяти саженъ межъ башни; да въ двухъ башняхъ быти двумя воротамъ....“ За это, по условію, Гурьевъ пожалованъ былъ безброднымъ содержаніемъ лужскаго учуга и вибескихъ водъ на семь лѣтъ, съ 1646 по 1653, (считая отъ Семенова до Семенова дна). Сдѣлка обошлась казнѣ въ 17.812 руб. 32 алтына полшесты денегъ. Впрочемъ постройка шла необыкновенно медленно. Начатый въ 1647 г. городъ не былъ оконченъ еще въ 1650 г. Немало трудностей представляла достанка матеріаловъ и рабочихъ; кромѣ того, казаки поняли цѣль правительства и мѣшали постройкѣ всеми возможными способами. Такъ въ 1649 г., говоритъ акты, „атаманъ Ивашко Кондыревъ съ товарищи,

оное или козачицки Татаръ начало исчезать въ этихъ мѣстахъ. Часть ихъ, послѣ разоренія Сарайчика, въ 1580 г., переселилась въ Хазу, другая же разбѣжалась по разнымъ татарскимъ улусамъ и смѣшалась съ ними.

* При возвышеніи пошлины на соль въ 1646 году, съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ, исключеніе сдѣлано только для лужской и астраханской, съ которой вѣдано брать попованую, то-есть по гривенѣ съ пуда; потому, какъ сказано въ окружной царской грамотѣ, что много ей идетъ на соленіе рыбы для царскаго стола, и что на учугахъ „откупы и сборы не взимае“. (*Ак. Арх. вѣдом.*, т. IV, № 5). Лужская соль добывалась изъ Икдерскаго и другихъ мелкихъ соляныхъ озеръ. Мнѣторожденіе теперешней лужской соли въ то время было еще неизвестно.

** Прямичъ В. Вильсона въ его статьѣ *Объ источникахъ и необходимостяхъ для изученія Оренбургскаго края*.

городовые многие запасы погромали, и дровъ и всяких запасовъ на городовой дѣло припасать сверху по Яику рѣкѣ не дали" *. Съ 1645 г. новый городокъ началъ называться Каменнымъ-Яицкимъ и Усть-Яицкимъ, а въ послѣдствіи Гурьевымъ-Городкомъ. Стрѣльцовъ, приходившихъ изъ Астрахани и сѣлявшихся ежегодно называли „астратанскими годовальщиками" **.

Но эта первая попытка правительства положить оплотъ самоуправію казачьяго населенія не привела къ желанному результату. Въ октябрѣ 1648 г., пришелъ изъ Раздорской станицы изъ Воронежа станичный атаманъ Топило Каракимъ и передалъ тамошнему воеводѣ, что Донцы, недовольные своимъ положеніемъ, намѣрены идти на Яику, срыть построенный при устьѣ его городокъ и, живя на Яикѣ, промышлять на морѣ. Такіе слухи заставили правительство принять мѣры къ охраненію новаго поселенія. Астраханскимъ воеводѣмъ предписано было 17 ноября того же года, послать въ Усть-Яицкій городокъ охраняемый отрядъ. Воеводы, въ свою очередь, послали приказъ 27 марта, начальствовавшему въ городкѣ стрѣльцкому голубѣ Глѣбову, наблюдать и оберегать городъ, въ случаѣ же недостатка въ „служилыхъ государевыхъ и учужилыхъ людяхъ", требовать изъ Астрахани помощи ***. Въ время принятыхъ предосторожностей, на этотъ разъ, спасли городъ, и Донцы идти на него не рѣшились. За то, въ 1654 г., казаки напали на ниже-яицкій учугъ, принадлежавшій тогда уже купцу Гурьеву, разорили его и переманили въ свои ряды рабочихъ, которые, какъ и вообще простой народъ, сильно имъ сочувствовали ****. Въ эпоху Разинскаго бунта, Гурьеву-Городку также не давали покоя: онъ довольно долго находился въ рукахъ казаковъ.

Съ 1630 годовъ начинается на юго-востокѣ цѣлый рядъ непрерывныхъ набѣговъ и разбоевъ на сухопутномъ пути и на морѣ. Толпы казаковъ замыкая съ Дона, Терека и Волги

* *Ак. Вост.*, т. IV, № 40.

** Колтопаровъ: *Бунтъ Степаны Разина*, изд. 2-е, доп. изд. Спб. 1889 г. „Такое названіе носили стрѣльцы, отправляемые изъ главнаго города въ подчиняемый...“ то-есть изъ Астрахани въ Гурьевъ-Городокъ.

*** *Акв. Арх. вѣст.*, т. II, № 294.

**** Колтопаровъ *Бунтъ Степаны Разина*, стр. 11. Затѣмъ говорится о вероискусныхъ казакахъ.

на безоружные караваны и торговые суда; грабили все что попадалось имъ подъ руку; убивали и жгли то чего не могли забрать съ собою; нападали на приморскіе персидскіе города и наводили страхъ на все прикаспійское побережье *. Каспійское море было постоянною цѣлюю и театромъ разбоевъ войскъ казачьихъ и воровскихъ шаекъ, стремившихся сюда съ Дона, Терека, Волги и Яика. У нихъ была знакомая торная дорога, были на морѣ извѣстныя станціи и убѣжища. Шайки, шедшія съ Дона, обыкновенно проходили изъ море или вдоль Кумы и Терека, или же Волгою, выйдя изъ устья которой, огибали сѣверо-восточный берегъ и шли изъ Казачій-Прорывъ, гдѣ у нихъ была присталь **, а потомъ направлялись къ устью Яика, гдѣ огромное пространство покрытое густымъ камышомъ, представляло надежное убѣжище во время опасности. Острова Камешный, Пешной и др., находящіеся не далеко отъ устья Яика были станціей и обзорною пунктомъ. Подобныя же любимыя стоянки и острова, гдѣ имъ нередко случалось зимовать по нѣскольку лѣтъ, выходя съ весною снова на промыслы, находились и вблизи туркменскихъ и персидскихъ береговъ. ***

Яикіе казаки принимали такое активное и дѣятельное участіе въ набѣгахъ, что тогдашній персидскій шахъ, не имѣя силъ отразить ихъ оружіемъ, принесъ жалобу московскому двору въ 1655 году. Правительство находилось въ то время въ войнѣ съ Польшей, и вида затрудненіе усмирить разбой силою или, можетъ-быть, не желая раздражать казаковъ, рѣшилось дѣйствовать путемъ мирнаго соглашенія. На Донъ и на Яикъ посланы были утѣдительноя царскія

* Лучшимъ говоритъ: „Читая въ путешествіи Озарія, вѣдшаго чрезъ Каспійское море въ 1638 г., о разграбленіи казаками близъ города Чернаго-Яра каравана изъ 1500 человекъ состояшаго, и о нападеніи ихъ на герцога Рица, находя описаніе подобнаго же удѣлова у Стрѣева, бывшаго въ Астрахань въ 1669 г. Шардамъ и въ российскіхъ хронографѣхъ того времени, нельзя не предположить, чтобъ Уральскіе казаки не были участниками сихъ опустошеній и грабительствъ, столь близко отъ жилищъ ихъ произведенныхъ. Превидя о ихъ подвигихъ тогдашнихъ повторяютъ еще донынѣ...“ (Ист. и ст. об. Урал. каз.)

** Докладное стрѣльцоваго головы Ивана Кроткова воеводѣ Петру Михайловичу Сытыкову 15 октября 1678 г. (Доклад. къ Алт. Вѣст. т. VII № 48).

*** Тамъ же т. VII, № 48.

граматы, и войсковые атаманы, донской Фролъ Миллеръ и яцкій Иванъ Белоусовъ, отправились въ Москву бить челомъ царю, чтобы отпустилъ онъ вина казачья. Здѣсь они получили повелѣніе ѣхать Волгою до моря и лично уговорить казаковъ бросить свои воровскіе промыслы и принести царю повинную. Мѣра эта имѣла, хотя временный, но полный успѣхъ, и атаманы не только уговорили своихъ товарищей прекратить разбой, но и явились съ нѣкоторыми изъ нихъ въ Москву. Разбойники получили прощенье, но заслуживать вина должны были на царской службѣ, подъ Ригою и въ Польшѣ, куда были посланы къ князю Хованскому и гдѣ оставались въ продолженіи 7 лѣтъ. *

Надобно сознаться что положеніе приволжско-яцкаго и прикаспійскаго края въ царствованіе Алексея Михайловича было самое печальное. Набѣги, грабежи и бунты тутъ не прекращались. Не говоря уже о своихъ, домашнихъ разбойникахъ, кочующія азіатскія племена, вытѣсняемыя съ своихъ мѣстъ новыми наплывами другихъ племенъ, переходя степи, Якузъ и стремились занять пространство между этою рѣкой и Волгою. Все это сопровождалось разворованіемъ и насиліемъ беззащитныхъ поселенъ. Разворованные бездомники и безсемейники, не находя ни надежной защиты, ни вознагражденія у правительства, рѣшались сами себя оберегать и сами собою промышлять, а потому и шли на разбой. Какъ же тутъ было не образоваться такой помѣси какъ воровскіе казаки. Въ 1645 году послѣдовало первое движеніе Казыковъ въ Россію. Въ 1658 г. получено извѣстіе о вторичномъ ихъ движеніи въ Оренбургскій край. ** Перейдя Якузъ, они дѣлились на двѣ орады: одна обращалась къ

* Рычковъ: *Топогр. Оренб. Лашманъ: Исп. и ст. опис. Ур. каз. Пущкина: Исп. Пур. бунта. Чалобитная 10 Іюля 1767 года.*

** Къ казыковскому тайфѣ Дойдану были посланы: переговорщикъ Емельянъ Лопатинъ и уфимскій толмачъ Василій Лобашъ. Возвратясь отъ него, они разказывали Яцкімъ казакамъ, что видели въ ордѣ много русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ Казыками, и что враждебные тайфы Лаузанъ и Муничъ замышляютъ походъ подъ Уфу, Казанскій уѣздъ и Царядмыль. Муничъ же, теперь кочуетъ по Якузъ въ полулучше разстояніи отъ ихъ казачьяго городка, а Лаузанъ пошелъ къ Волгѣ, и хочетъ напасть на улусъ астраханскихъ Татаръ. Зимою же собдутся они

сѣверу и грабала поля Уфю, Казанью и Самарю, другая—къ югу по Волгѣ и къ улусамъ астраханскихъ Татаръ. Съ 1662—1665 начинается Сейтовскій башкирскій бунтъ и не прекращается до 1682 году; съ 1630—1656 идутъ разбои воровскихъ казаковъ, и все, наконецъ, заканчивается бунтомъ Степана Разина.

Обстоятельства давно уже подготовляли этотъ бунтъ. Недовольныя своимъ положеніемъ было много въ низшихъ сословіяхъ. Казаки жаловались на стѣсненія, податныя условія и колоши на тяготу повинностей, на корыстолюбіе и несправедливость воеводъ и судей; мѣщане и торговые люди—на стѣсненіе торговли и совершенное безправіе. * Возмущенія вспыхивали нѣсколько разъ, то въ Москвѣ то Новгородѣ и другія мѣстата, но были подавлены и виновные жестоко наказаны. Начинавшійся расколъ еще болѣе разжигалъ затѣянное недовольствіе. Бунтъ, начавшійся въ 1666 году, охватилъ все Поволжье и всю прикаспійскую мѣстность до Яика.

Трудно опредѣлить степень участія Яицкихъ казаковъ въ первомъ возмущеніи. Известно только что Разинъ посылалъ къ казакамъ съ предложеніемъ присоединиться къ нему. ** Но еще раньше, когда онъ находился въ Палшинѣ, у него нашлись въ Яицкомъ Городкѣ сторонники, которые писали къ нему, и приглашали его къ себѣ. Такъ, какой-то Федоръ Сукашинъ писалъ къ нему изъ Яика: „собирайся къ намъ, атаманъ, возьми Яикъ-Городокъ, учуги развори и людей побей. Заследишь въ нашемъ городкѣ, и потомъ пойдемъ вѣсть на море промышлять.“ *** Стенка въ то было на руку, и онъ, возвращаясь съ низовьевъ Волги, мимо Царицына

выскочилъ и побѣдилъ съ Мунчиковъ подъ Самарою и въ Самарскій уѣздъ.“ *Ак. Мем.* т. IV, № 72.

* Костомаровъ: *Бунтъ Степана Разина*. Царск.: Земство и Расколъ, статья I, въ журналѣ *Время*, кн. X, октябрь 1862.

** *Матер. для ист. возм. Ст. Раз. Казань* Иванъ Дашковъ пишетъ изъ Симбирска, отъ 29 июля 1667 г. о движеніи Степана отъ Царицына къ Саратову: „и подѣлывая на Саратовъ, везъ на луговой сторонѣ, въ видѣно у какихъ людей четыре лошади, и послали въ Яицкой городокъ, чтобы казаки Яицкіе шли къ намъ на помощь.“ (*Выписка изъ дела о Разинѣ, сообщенная изъ Казанскаго въ Польскій арканъ.* 1718/1719 года.)

*** Костом. стр. 61—62. *Ак. Мем.* т. IV № 202, столб. 3.

и Чернаго Яра, обогатилъ сѣверо-восточный берегъ и пришелъ къ устью Яика. О занятіи имъ Яицкаго Городка имѣются прамыя указанія. * Разинъ оставилъ шайку въ скрытомъ мѣстѣ и съ тремя казаками подошелъ къ городскимъ воротамъ; обманомъ заставилъ стрѣльцкаго голову Яцма впустить себя въ городъ, а когда вошелъ, тотчасъ открылъ путь своей шайкѣ. Сопротивленіе было невозможно, и казаки завладѣли городомъ. Первыми дѣломъ Разина была казнь Яцма и съ нимъ 170 стрѣльцовъ, которыми велѣлъ отрубить головы, остальные же отпустилъ въ Астрахань, говоря что насиловать ихъ не желаетъ, и противъ воли не заставляетъ быть съ нимъ злобно. Но когда стрѣльцы достигли Раковой Косы (теперь Ракушечья пристань), онъ послалъ за ними погоню, чтобы вернуть ихъ и насильно завербовать въ свою шайку. Тѣхъ, кто не хотѣлъ идти назадъ, рубили и бросали въ воду; другіе разбѣжались и прятались по камышамъ, на требованіе же согласилась самая небольшая часть. Цѣлое лѣто жилъ Разинъ на Яикѣ, выхода только по временамъ на промыслы, то къ улусамъ татарскимъ, ** то къ Тереку, *** а къ зимѣ опять возвратился въ городокъ. Посланный противъ Разина, помощникъ астраханскаго воеводы князя Хилкова, Яковъ Безобразовъ, уговорилъ двѣ казачьи орды Мочахъ-тайджи и Дайджинъ-тайджи осадить Разина въ Яикѣ.

Дѣйствительно, обладаемые подарками и обиданіями, Казачи въ числѣ десяти тысячъ окружили городъ и ходили даже на приступъ, но такъ неудачно, что охладили къ слову намѣренію; потому вошла въ дружественныя и торговныя сношенія съ осажденными, а весною и вовсе отключилась отъ Яика. **** Точно такъ же неудачно дѣйствовали и посланцы астраханскіе. Казаки разбиты въ вылазкахъ отрядъ

* Костом. стр. 63—64; *Ак. Ист.* IV, 378. *Мат. для ист. возм. Ст. Разина* (Выписка изъ дѣла, стр. 24—28, 31—32. *Пол. Соб. Зак. Рос. Импер.* т. I, 1670, № 480).

** Кост. стр. 64. *Мат. для ист. воз. Ст. Раз.* (Стр. 25—26, доносъ къ Хилкову изъ Астр. 18 декабря 1688).

*** Кост. стр. 65. *Мат. для ист. воз. Ст. Разина* (стр. 27, доп. къ Хилкову изъ Астр. 8 апр. 1688).

**** Костом. стр. 67. *Ак. Ист.* т. IV, № 202, столб. № 6.

Безобразова и повѣсили двухъ стрѣльцкихъ головъ, присланныхъ для переговоровъ. Только 23 марта 1668 г. Разинъ оставилъ совѣтъ Яцкій городъ и пошелъ въ море къ персидскимъ владѣніямъ, гдѣ оставался болѣе года.* Волга за нимъ, приважили изъ Верховнаго Яцкаго городка 13 человекъ воровскихъ казаковъ въ чалмѣ соединиться со Стенькою, но были схвачены и посажены подъ караулъ стрѣльцкимъ головою, Богданомъ Сакмышевымъ, котораго прислалъ незадолго предъ тѣмъ изъ Астрахани князь Прозоровскій, сынъившій Халкова. Черезъ нѣсколько дней ихъ освободили возмущившіеся яцкіе жители и стрѣльцы, утопили Сакмышева, взяли на струги оружіе, порохъ и запасы, и пошли въ море отыскивать Разина.** Кромѣ этого указація на участіе Яцкихъ казаковъ въ бунтъ, мы читаемъ въ донесеніи князя Прозоровскаго изъ Астрахани, въ сентябрѣ 1670 г., что Стенька и товарищи его, принося повинную, говорили... „пошло де ихъ съ Дому съ 600 человекъ, да къ нимъ же де приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ, всякіе вольные люди...“*** Болѣе объ Яцкихъ казакахъ, во время перваго возмущенія, не упоминается.

Когда Разинъ, въ 1671 г., поднялъ вторично бунтъ, то Яцкіе казаки, на этотъ разъ, не остались въ сторонѣ. Они пристали къ шайкѣ, составившейся изъ жителей низовыхъ городовъ, и пошли на Самбарскъ. Отбитые на приступѣ и разбитые въ нѣсколькихъ вылазкахъ, разбойники побросали струги, на которыхъ были ружья, пушки, оружіе и порохъ, и бѣжали къ Самарѣ, гдѣ остановились, рѣшившись „добить челоука государю въ винахъ своихъ.“ Въ историческомъ документѣ мы имѣемъ, по этому случаю, любопытное показаніе, при разпросѣ воровскаго казака Луколыки Сергѣева. „И съ Самары де онъ, Луколыка, пришелъ въ Самбарскъ отъ своей братіи, и въ винѣ своей великому государю добить челоука. А Астраханцы де, и Крисноярцы, и Черноярцы, и Царицынцы, и Саратовцы съ Сакмарцы, пошли всѣ

* Костом. стр. 67. *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* (стр. 27, донесеніе кня. Ивана Прозоровскаго изъ Астрахани въ июлѣ 1668 года).

** *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* стр. 31—32.

*** *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* стр. 38.

по домам своимъ, а оставши де ожидать государокой милости Астраханцевъ дву человекъ лучшихъ людей, а Самаряне де остались все въ своихъ домахъ, а Яицкихъ казачевъ пошло на Яикъ человекъ съ полтораста, а въ остаткѣ де ихъ на Самарѣ человекъ со сто, а и тѣ де хотѣли идти на Яикъ же; да на Самару же де пришло съ Яику для провидыванія вѣстей человекъ съ двадцать, а съ тѣми которые пошли на Яикъ разошлись, и они де хотятъ идти съ посѣдкими людьми.“ *

Вскорѣ по окончаніи Разивскаго бунта мы снова встрѣчаемъ дѣло объ воровскихъ Яицкихъ казакахъ. Въ мѣѣ 1677 г., атаманъ Васыка Касимовъ съ товарищами, всего около 300 человекъ, двинулись изъ верхнихъ яицкихъ городковъ внизъ по теченію, направи на Усть-Яицкій Городокъ, захватили казну, оружіе, порохъ и свинець, и рѣшились идти промышлять въ море къ персидскимъ и туркменскимъ предѣламъ. Но, наученное опытомъ, правительство дѣйствовало быстро и рѣшительно. Болрину и воеводѣ Петру Михайловичу Салтыкову велѣно было идти въ Астрахань съ ратными людьми съ великою поспѣшностью и употребить все мѣры къ скорѣйшему и вѣрнѣйшему прекращенію разбоя. Посланы были отдѣльныя команды въ крѣпость между устьями Волги и Яика, а въ Астрахани, между тѣмъ, собрались сильныя отряды подъ командою стрѣльцкихъ головъ Игнатія Сумарокова, Тимофея Горяинова и другихъ для весенней экспедиціи противъ разбойниковъ. Между тѣмъ казаки наткнулись, недалеко отъ устья Яика, на стрѣльцкаго голову Никиту Мамонова: съ ратными людьми и должны были выдержать бой, который кончился не въ ихъ пользу. Они принуждены были уйти въ открытое море въ самомъ жалкомъ состояніи: съ пробитыми струнами, безъ воды, и съ ничтожнымъ запасомъ провіанта. Въ такомъ видѣ пристали казаки къ туркменскимъ берегамъ, около Карагайской пристани, но и здѣсь потерпѣли, отъ Туркменовъ, пораженіе и снова бѣжали. Перезимовавъ на Свѣтомъ и Жиломъ островахъ, они вздумали весной еще разъ попытать счастья: подступали подъ Баку и хотѣли

* *Мат. для ист. солдуч. Ст. Раз.* (записная книга московскаго стола 1677/1678 года, стр. 311—312).

имъ овладѣть. Но жители были предупреждены, да и возмездіе въ морѣ было такъ сильно, что нападеніе не удалось, и часть казаковъ была захвачена въ плѣнъ; остальные ушли опять въ море, и въ послѣдствіи, не видя возможности пробраться на родину, приняли магометанство и поселились въ Шемахѣ.*

Судъ и казнь надъ Стевкою Разнымъ и его сообщниками нанесли сильный ударъ казачеству и всей бѣглой Руси.

А. Р.

---

* Докладъ въ Акт. Архивор. Комисс. т. VII № 48, стр. 249—263.